

К. Г. Юнг

SEPTEM SERMONES AD MORTUOS

Семь наставлений мертвым, что написал Василид из Александрии, –
города, где Восток соприкасается с Западом

SERMO I

Мертвые возвратились из Иерусалима, где не нашли того, что искали. Они жаждали, дабы я допустил их к себе и наставил:

Слушайте же: Я начну от *ничто*. Ничто, по сути, то же, что Полнота. В бесконечности наполненность равно что пустота. Ничто – пусто и полно. Вы можете сказать равным образом и иное о ничто, к примеру, что оно бело или черно, или что его нет. Бесконечное и вечное не имеет свойств, ибо имеет все свойства.

Ничто или Полноту мы наречем Плеромой. В ней прекращает свой путь бытие и помышление, поскольку вечное и бесконечное не имеет свойств. Там нет никого, потому как иначе некий Тот отличался бы от Плеромы и имел свойства, которые делали бы его отличным от Плеромы.

В Плероме есть все и ничего: не стоит помышлять о Плероме, ибо это означало бы саморастворение.

Творение пребывает не в Плероме, но в себе. Плерома есть начало и конец Творения. Она проходит его насквозь подобно тому, как солнечный луч проникает всю толщу воздуха. Хотя Плерома проходит непременно насквозь, нет у творения в том части – так цельнопрозрачное тело не становится через свет, сквозь него проходящий, ни светлым, ни темным.

Мы же сама Плерома и есть, ибо мы часть вечного и бесконечного. Нет у нас, однако, в том части, ибо мы бесконечно отдалены от Плеромы – не пространственно либо временно, но сущностно, – тем, что отличны от Плеромы как Творение, имеющее пределы в пространстве и во времени.

Поскольку мы суть части Плеромы, Плерома также в нас. Плерома и в своей малейшей крапине бесконечна, вечна и нерушима, ведь малое и большое суть свойства, что пребывают в ней. Она есть Ничто, кое всюду нерушимо и непрекратимо.

Оттого-то говорю я о Творении как о части Плеромы лишь под видом иносказания, ибо Плерома воистину всюду неделима, потому как она есть Ничто. Но и мы суть цельная Плерома, ведь Плерома лишь иносказательно, в допущении, малейшая крапинка, сущая в нас. Она и свод небесный, нас объемлющий. Зачем же нам вести речь о Плероме как такой, когда она Все и Ничто.

А затем говорю я, дабы с чего-нибудь начать и избавить Вас от химеры, будто где-либо вовне или изнутри есть прежде опыта установленное или хоть сколько-нибудь определенное. Все именуемое установленным либо определенным относительно. Лишь то, что подвержено изменению, установлено и определено.

Изменяемо лишь Творение, стало быть, оно единственное установлено и определено, ибо есть у него свойства, да и само оно свойство.

Мы вопрошаем: Как явилось Творение? Являлись Творения, но не Творение, поскольку Творение есть свойство самой Плеромы, равно как нетворение, вечная Смерть. Всегда и всюду есть Творение, всегда и всюду есть Смерть. В Плероме пребывает все, отличимость и неотличимость.

Творение есть отличимость. Оно отличимо. Отличимость – его сущность, потому оно и отличает. Человек отличает потому, что сущность его есть отличимость. Посему отличает он и свойства Плеромы, коих не существует. Он отличает их по своей сущности. Оттого человеку приходится вести речь о свойствах Плеромы, коих не существует.

Вы скажете: Что толку говорить о том? Ты же сам сказал, что не стоит помышлять о Плероме.

Вам я сказал, дабы освободить от химеры, что можно помышлять о Плероме. Когда мы отличаем свойства Плеромы, то речь ведем применительно к нашей отличимости и о нашей отличимости, но никак не о Плероме. О нашей же отличимости надобно говорить, дабы тем мы сумели себя достаточно отличить. Наша сущность есть отличимость. А не будем той сущности верны, то и отличим себя недостаточно. Потому нам должно творить отличаемость свойств.

Вы станете вопрошать: А что плохого станется, если не отличить себя?

Не отличая, угодим мы за пределы своей сущности, за пределы Творения, и низвергнемся в неотличимость, а она есть иное свойство Плеромы. Мы низвергнемся в саму Плерому и перестанем быть Творением, себя обрекая растворению в Ничто.

А это Смерть Творению. Мы, стало быть, умрем в той мере, в какой не станем отличать. Оттого-то естественное устремление Творения направлено к отличимости противу изначальной опасной тождественности. Имя тому устремлению *PRINZIPIUM INDIVIDUATIONIS*. Тот принцип есть сущность Творения. Из чего можно вам усмотреть, почему неотличимость и неотличение являют собой великую опасность для Творения.

Вот потому нам должно отличать свойства Плеромы. Те свойства суть попарно сочетаемые противоположения, как то:

Сущее – Не-сущее,

Полнота – Пустота,

Живое – Мертвое,

Различное – Тождественное,

Светлое – Темное,

Горячее – Холодное,

Сила – Материя,

Время – Пространство,

Добро – Зло,

Красота – Уродство,

Единое – Множественное, *etc.*

Парные противоположения суть свойства Плеромы, коих в ней нет, ибо они друг друга упраздняют.

Поскольку мы суть сама Плерома, в нас присутствуют все эти свойства, а когда основание нашей сущности – отличимость, то и имеем мы те свойства во имя отличимости и под знаком ее, что означает:

первое: Свойства, что в нас, друг от друга отличены и разделены, посему они не упраздняются, но пребывают сущими. Оттого мы жертвы парных противоположений. В нас Плерома разорвана.

второе: Свойства причастны Плероме, для нас же возможно и должно жить в обладании ими лишь во имя отличимости и под ее знаком. Нам должно отличать себя от тех свойств. В Плероме они упраздняют себя, в нас же нет. Отличаемость от них спасает.

Когда наши устремления направлены к Добру или Красоте, мы забываем про нашу сущность, то есть отличимость, и обрекаем себя на свойства Плеромы, а они суть парные противоположения. Мы силаемся, дабы достичь Добра и Красоты, но наряду с тем обретаем Зло и Уродство, потому как в Плероме они едины с Добром и Красотой.

Когда же мы остаемся верны своей сущности, именно – отличимости, то отличаем себя от Добра и от Красоты, а тем самым – от Зла и Уродства. Мы тогда не низвергаемся в Плерому, то есть в ничто и в растворенность.

Вы станете прекословить: Ты говорил, будто Различимое и Тождественное равно свойства Плеромы. Как быть тогда, когда мы свои устремления направим к различению? Разве тогда не будем мы верны своей сущности? Не придется ли нам, устремляясь к различению, обречь себя на тождественность?

Не должно вам забывать, что Плерома не имеет свойств. Мы их созидаем помышлением. Стало быть, когда вы устремляетесь к различению, к тождественности или к иным свойствам, то устремляетесь к помыслам. Что проистекают навстречу вам из Плеромы, именно к помыслам о несуществующих свойствах Плеромы. В погоне за теми помыслами вы погружаетесь снова в Плерому и достигнете различения и тождественности разом. Не ваше помышление, но ваша сущность – отличимость. Посему не должно вам устремляться к различению, как вы о том помышляете, но к *вашей сущности*. Есть, по сути, одно лишь устремление, именно устремление к собственной сущности. Если есть у вас таковое устремление, то вовсе нет нужды вам знать о Плероме и ее свойствах, и придете вы к правой цели силою вашей сущности. Ну а когда помышление отдалено от сущности, то и приходится мне наставлять вас в знании, дабы сумели вы удержать в узде ваше помышление.

SERMO II

Мертвые стояли в ночи вдоль стен и восклицали: Желаем знать о Боге. Где Бог? Бог мертв?

Бог не мертв, он жив так же, как и исстари. Бог, он – Творение, нечто определенное, а посему отличен от Плеромы. Бог – свойство Плеромы, ибо все, что сказал я о Плероме, действительно и для Него.

Он отличается, однако, от Творения через то, что многократно темней и неопределимой, чем Творение. Он менее отличим, чем Творение, ибо в основании Его сущности пребывает сущая Полнота, и в той лишь мере определим и отличим, в коей Он Творение, но и в той же мере Он – проявление сущей Полноты Плеромы.

Все, что не отличено нами, низвергается в Плерому и упраздняется купно со своим противоположением. Оттого-то, когда не отличаем мы Бога, упраздняется для нас сущая Полнота.

Бог, однако, и сама Плерома, подобно тому как малейшая крапина в сотворенном и несотворенном та же Плерома.

Истинная Пустота есть сущность Дьявола. Бог и Дьявол суть первые проявления Ничто, каковое именуем Плеромою. Равно Плерома то или нет, ибо она упраздняет себя во всем сама. Не таково Творение. В том отношении, в коем Бог и Дьявол суть Творения, они не упраздняют себя, но противостоят Друг другу как сущие противоположения. Нет нужды нам в доказательстве их бытия, довольно того, что приходится нам снова и снова вести речь о них. А когда б обоих не было, то Творение оказалось бы вне своей отличимой сущности, оно все сызнова отличалось бы из Плеромы вовне.

Все, что отличенность изымает из Плеромы, являет собой парные противоположения, посему Богу всегда причастен Дьявол.

Сопричастность эта, что вам даже по жизни своей довелось познать, столь сокровенна, столь неизбывна, как Плерома сама. А проистекает она из того, что оба весьма близко отстоят от Плеромы, в коей все противоположения упразднены и слиты воедино.

Бог и Дьявол отличимы через полноту и пустоту, созидание и разрушение. Общее для обоих сущее. Сущее их связывает. Потому сущее возвышается над обоими, и оно есть Бог над Богом, ибо оно соединяет Полноту и Пустоту в их сущем.

Вот Бог, о коем вам неизвестно, ибо люди его позабыли. Мы именуем его присушим ему именем АБРАКСАС. Он еще более неопределим, чем Бог и Дьявол.

Дабы отличить от него Бога, мы именуем Бога ГЕЛИОС либо Солнце.

Абраксас – сущее, ничто ему не противостоит, кроме того, в чем нет сути, потому сущая его природа распространяется свободно. Того, в чем нет сути, – не существует и не противостоит. Абраксас возвышен над Солнцем и возвышен над Дьяволом. Он есть невероятное вероятное, несущее сущее. Когда б у Плеромы была сущность, Абраксас был бы ее проявлением.

Хоть он и есть само сущее, но, однако, ничего определенно сущего, но лишь сущее вообще.

Он несущее сущ, поскольку не имеет определенного сущего.

Он и Творение, ибо он отличим от Плеромы.

Солнце определенно сущее, как и Дьявол, оттого они нам представляются более сущим, чем неопределимый Абраксас.

Он есть Сила, Длительность, Переменчивость.

И произошло тут у мертвых смущение, ибо были они христиане.

SERMO III

Мертвые подступали подобно туману с болот и восклицали: Говори нам далее о Верховном Боге.

Абраксас есть Бог, коего мудрено распознать. Он имеет наибольшую часть, ибо она незрима для человека. От Солнца зрит человек *summum bonum*, то есть высшее благо,

от Дьявола *infimum malum*, то есть беспредельное зло, от Абраксаса же непреодолимую ни в коей мере *жизнь*, каковая есть мать доброго и дурного.

Жизнь кажется слабосильнее и меньше, чем *summum bonum*, посему даже в мыслях трудно представить, что Абраксас во власти превосходит Солнце, кое само есть сиятельный источник всякой жизненной силы.

Абраксас есть Солнце и наравне заглатывающее вековечное жерло Пустоты, все умяляющей и расчленяющей, жерло Дьявола.

Власть Абраксаса двукратна. Но вы не зрите ее, ибо в ваших глазах уравнивается противоположная направленность той власти.

Что говорит Бог-Солнце, есть жизнь,

что говорит Дьявол, есть Смерть.

Абраксас же говорит слово досточтенное и проклятое, что есть равно жизнь и смерть.

Абраксас творит истину и ложь, добро и зло, свет и тьму в том же слове и в том же деянии. Оттого Абраксас грозен.

Он великолепен подобно льву во мгновение, когда тот повергает ниц свою жертву. Он прекрасен, как день весны.

Да он сам великий Пан, что значит Все, и он же малость. Он и Приап.

Он есть монстр преисподней, полип (*Polypus* (греч.) – многоногий. – Прим. пер.) тысячерукий, воскрешенный, змий извивистый, неистовство само.

Он же Гермафродит низшего начала.

Он господин жаб и лягушек, в воде обитающих и на сушу выходящих, ополудни и ополуночи поющих хором.

Он есть Наполненное, что воссоединяется с Пустым.

Он есть святое совокупление.

Он есть любовь и ее умерщвление.

Он есть святой и предающий святого.

Он есть светлейший свет дня и глубочайшая ночь безумства.

Его зреть – слепота.

Его познать – недуг.

Ему молиться – смерть.

Его страшиться – мудрость.

Ему не противиться – спасение.

Бог пребывает при солнце. Дьявол пребывает при ночи. Что Бог рождает из света. Дьявол утаскивает в ночь. Абракас же мир, становление и преходящесть мира. На всякое деяние Бога-Солнце Дьявол налагает свое проклятие.

Все, что вы ни просите у Бога-Солнце, порождает и деяние Дьявола.

Все, что вы ни сотворите совместно с Богом-Солнце, дает Дьяволу сущую силу.

Таков он, грозный Абракас.

Он есть могущественнейшее Творение, в нем Творение страшится себя самого.

Он есть явленное противоречие меж Творением и Плеромою, в коей заключено ничто.

Он есть ужас сына пред матерью.

Он есть любовь матери к сыну.

Он есть восторженность земли и жестокость неба.

Не вопрошает он и не отвечает.

Он есть жизнь Творения.

Он есть сущее Отличимости.

Он есть любовь человека.

Он есть речь человека.

Он есть свет и тень человека.

Он есть обманное сущее.

Тут мертвые завопили, зашумели, ибо они были несовершенны.

SERMO IV

Мертвые, что ропща заполняли пространство окрест, говорили: Сказывай нам, проклятый, о Богах и Дьяволах.

Бог-Солнце есть высшее добро. Дьявол есть противное ему, вот имеете двух богов.

Но существует много высокого добра и много тягостного зла, а потому существует два богодьявола, один именем *пылающее*, другой же – *растущее*.

Пылающее есть Эрос в образе пламени. Он сияет, меж тем как пожирает.

Растущее есть древо жизни, оно зеленеет, меж тем как, вырастая, скапливает живое вещество.

Эрос воспламеняется и умирает, древо жизни же медленно и неуклонно произрастает сквозь безмерное время.

Доброе с дурным едины в пламени.

Доброе с дурным едины в произрастаньи древа.

Жизнь и любовь противостоят в своей божественности друг другу.

Подобно сонмам звезд, безмерно число богов и дьяволов.

Всякая звезда есть бог, и всякое пространство, кое полнит звезда, есть дьявол.

Всепустота целого же есть Плерома.

Абракасас есть сущее целого, лишь несущее противостоит ему.

Главных богов числом четыре, ибо четыре является числом измерений мира.

Один есть начало, Бог-Солнце.

Другой есть Эрос, ибо он связывает двоих и распространяется в сиянии.

Третий – древо жизни, ибо полнит пространство телами.

Четвертый – Дьявол, ибо он отмыкает все замкнутое, разлагает все, обладающее формой, и все телесное, он разрушитель, в коем все обращается в ничто.

Блажен я, оттого что дано мне познать множественность и разнообразность богов. Горе вам, сменившим ту несовместную множественность на единственного Бога. На муки неразумения и искажения обрекли вы через то творение, коего сущность и устремление есть отличимость. Как можете быть верны вы своей сущности, когда множественное хотите свести к одному? Что чините богам, то случается и с вами. Всех вас уравниют, и исказится тем ваша сущность.

Воцаренье равенства допустимо человека ради, но не бога ради, ибо богов суть множества, людей же малость. Боги могучи, и они переносят свою различность, ибо, подобно звездам, пребывают они в одиночестве и ужасающем отдалении друг от друга. Люди же слабы и не переносят свою различность, ибо они пребывают вблизи, подле друга друга, и нуждаются в общности, дабы снести свою особость. Ради спасения вашего я наставляю вас в отвергаемом, и того ради сам я отвергнут. Многочисленному числу богов соответствует многое число людей. Неисчислимы боги ожидают, дабы принять человеческий образ. Неисчислимы боги некогда были людьми. Человек причастен к сущности богов, он происходит от богов и идет к Богу.

Как не стоит помышлять о Плероме, так не стоит почитать множество богов. По меньшей мере стоит почитать первого Бога, сущую Полноту и *summum bonum*. Через молитву мы ничего не можем туда привнести и ничего не можем оттуда взять, ибо все поглощает в себя сущая Пустота. Светлые боги образуют небесный мир, они многократны, они распространяют себя и множат бесконечно. Их высочайший господин есть Бог-Солнце.

Темные боги образуют земной мир. Они однократны, они бесконечно умаляют себя и сокращают. Их низайший господин есть Дьявол, дух луны, приспешницы земли, что и менее, и холоднее, и мертвее, чем земля. Нет различия во власти небесных и земных богов. Небесные боги умножают, земные же умаляют. Направления в обе стороны суть безмерны.

SERMO V

Мертвые глумливо орали: поучай нас, дурень, о Церкви и святых общении.

Мир богов проявляется в духовном и плотском. Небесные боги являют себя в духовном, земные же в плотском. Духовное воспринимает и внимает. Оно женственно, и потому мы именуем его *mater coelestis*, мать небесная. Плотское порождает и зиждет. Оно мужественно, и потому мы именуем его *phallos*, отец естества. Плотское мужа более от естества, плотское жены более от духа. Духовное мужа от небес, оно направлено к высшему.

Духовное жены более от естества, оно направлено к низшему. Ложь и дьявольщина суть духовность мужа, что направлена к низшему.

Ложь и дьявольщина суть духовность жены, что направлена к высшему.

Муж и жена, пребывая друг подле друга, обратятся в дьявола, ежели они не разъединят свои духовные пути, ибо сущность Творения есть отличимость.

У мужа плотское направлено к естеству, у жены плотское направлено к духовному. Муж и жена, пребывая друг подле друга, обратятся в дьявола, ежели они не разъединят плотское свое.

Муж тогда познает низшее, жена же высшее.

Человек отличает себя от духовного и от плотского. Он именуется духовное Матерью и помещает его между небесами и землей. Он именуется плотское Фаллосом и помещает его меж собою и землей, ибо и Матерь, и Фаллос суть сверхчеловеческие демоны и проявления мира богов. Для нас они более сущи, чем боги, поскольку они сродни с нашею сущностью. Когда же вы себя не отличите от плотского и от духовного и не станете взирать на них как на сущности, что над вами и вокруг вас, то и обречены будете им как свойствам Плеромы. Духовное и плотское не суть ваши свойства, не вещи, коими вы обладаете, напротив, они обладают вами и объемлют вас. Они – могучие демоны, в облике коих являют себя, а потому суть вещи, достигающие того, что над вами, вовне, – вещи, существующие сами по себе. Нет никого, кто владеет духовным как таким или плотским как таким, но он пребывает под властью закона духовного или плотского. Посему никто не избегнет тех демонов. Вам должно рассматривать их как демонов, как общее дело и общую же опасность, как общее бремя, что жизнь взвалила на вас. Так и жизнь для вас есть общее дело и общая опасность, равно как боги, а прежде всех грозный Абракас.

Слаб человек, а потому ему необходимо нужна сообщность.

Когда сообщность не пребывает под знаком Матери, она пребывает под знаком Фаллоса. Где недуг и муки, нет сообщности. Но сообщность для всякого человека есть раздробленность и растворение.

Отличимость ведет к особному бытию. Особное бытие противно сообщности. Однако ради слабости человеческой пред богами и демонами и их неодолимым законом надобна сообщность. Пусть будет настолько сообщности, насколько есть в ней надобность, не человека ради, но из-за богов. Боги принуждают вас к сообщности. Они вас принуждают в той мере, в коей сообщность необходима. А что излишне, то дурно.

Один пусть в сообщности подчиняется другому, дабы тем сохранить сообщность, ибо есть у вас в ней нужда.

В особном же бытии пусть один ставит себя выше другого, дабы каждый пришел к самому себе и избегнул бы рабства,

Пусть в сообщности пребудет воздержанность.

Пусть в особном бытии пребудет расточительность.

Сообщность есть глубь,

особное бытие есть высь.

В сообщности верная мера очищает и сохраняет. В особном бытии верная мера очищает и дополняет. Сообщность дарит нас теплом, особое бытие дарит нас светом.

SERMO VI

Демон плотского подступает к нашей душе подобно змее. Она есть вполовину чужья душа и именуется помыслами хотения.

Демон духовного слетает в нашу душу подобно белой птице. Он тоже вполонину чловечья душа и именуется хотением помыслов.

Змея есть естественная душа, вполонину демоническая, она дух и сродни с духами мертвых. Как и те, она скитается повсюду среди земных вещей и добивается, чтоб ее страшились, или же пробуждает в нас вожделения. По природе своей змея женственна и ищет общества мертвых, именно тех, кто прикован к земле и не нашел пути к другому, к особному бытию. К тому ж она блудлива, путается с дьяволом и злыми духами. Подлый тиран и дух-мучитель, она повседневно прельщает человека дурным сообществом. А белая птица есть вполонину небесная чловечья душа. Она пребывает у Матери и подчас опускается долу. Птица имеет мужеское начало. Она есть сущий помысел. Она же посланница матери, целомудренная и одинокая. Птица летает высоко над землей и наказывает быть особно. Она приносит вести об отдалившихся, тех, что ушли вперед и стали совершенны. Наше слово возносит она Матери. Матери дано заступаться, дано предостерегать, но ничтожна власть ее сравнительно с богами. Она есть сосуд солнца. Змея сходит вниз и лукавством усмиряет фаллического демона или же подстрекает его. Она выносит в гору наихитрейшие помыслы естества, кои пролазят во все щели и всюду алчно присасываются. Хоть змее и не по нраву, однако ей случается быть нам полезной. Когда она ускользает от наших рук, то указывает путь, которого человеку своим разумом не найти.

Мертвые глядели презрительно и говорили: Прекрати свои речи про богов, демонов и души, нам про то по сути давно известно.

SERMO VII

В ночи снова воротились мертвые и говорили с жалким видом: Еще про одно мы забыли, дай нам наставление о человеке.

Человек – ворота, через которые вы из мира внешнего – мира богов, демонов и душ – входите в мир внутренний, в меньший мир. Мал и ничтожен человек, вот уже он остается у вас позади, и вы пребываете снова в бесконечном пространстве, в меньшей или же внутренней бесконечности.

В безмерной отдаленности одна-единственная звезда стоит в зените.

Это и есть тот единственный Бог этого одного человека, это есть его мир, его Плерома, его божественность.

В мире том принадлежит человек Абракасу, каковой его, человека, мир порождает либо поглощает.

Звезда эта есть Бог и предел человеку.

Она есть единственный Бог, что ему предводительствует, в нем человек находит успокоение, к нему ведет долгое странствие души после смерти, в нем воссияет, подобно свету, все, что влечет обратно за собою человек из большего мира.

К нему одному возносит человек молитву.

Молитва прибавляет света звезде, она пролагает мост над смертью, она уготовливает жизнь для мира меньшего и умалляет безнадежное хотение мира большего. Когда больший

мир охладает, засияет звезда. Ничто не стоит меж человеком и его единственным Богом, ежели только способен человек отвести глаза от полыхающего образа Абраксаса. Человек здесь, а Бог там.

Слабость и ничтожность здесь, бесконечная творящая сила там. Здесь все – тьма, хлад и ненастье, там все – Солнце.

На том приумолкли мертвые и развеялись подобно дыму над костром пастуха, что в ночи сторожил свое стадо.

**ANAGRAMMA:
NAHTRIHECCUNDE
GAHINNEVERAHTUNIN
ZEHGESSURKLACH
ZUNNUS**